

DOI: 10.31857/S0869049922030017
EDN: EWIMOU

КУЛЬТУРА, ИДЕОЛОГИЯ, ИМИДЖ CULTURE, IDEOLOGY, IMAGE

Оригинальная статья / Original Article

Европейская культура – силы притяжения и отталкивания¹

© А.А. ГРОМЫКО

Громько Алексей Анатольевич, Институт Европы Российской академии наук (Москва, Россия), alexey@gromyko.ru. ORCID 0000-0003-4228-1552

В статье рассматриваются основные черты и направления трансформации феномена европейской культуры в современную эпоху. Хронологически в центре внимания находится период с 1980-х гг. Исследование базируется на представлении об общих гуманистических основаниях европейской культуры. Автор описывает ее состояние в период холодной войны, а затем анализирует поиски ее новых смыслов, включая понятие «новое средневековье» и тему страха. Другое направление исследования – роль Просвещения в судьбах европейской культуры, преломление его идейного наследия в контексте общества потребления и индивидуализма. Современная европейская культура характеризуется как переплетение старого и нового, премодерна, модерна и постмодерна. Затронута проблематика вестернизации, омассовления и стандартизации культуры, как и сдвига к различным направлениям постматериализма и неоавангардного искусства.

Ключевые слова: европейская культура, гуманизм, общество риска, омассовление, поп-арт, модерн, постмодерн, пост-материализм, авангардизм

Цитирование: Громько А.А. (2022) Европейская культура – силы притяжения и отталкивания // Общественные науки и современность. № 3. С. 7–20. DOI: 10.31857/S0869049922030017, EDN: EWIMOU

¹ Благодарность. Автор статьи выражает признательность искусствоведу Николасу Ильину, профессору Ю.И. Рубинскому, профессору Ю.А. Борко за рекомендации и замечания, высказанные в ходе работы над статьей.

Acknowledgements. The author expresses gratitude to art consultant Nicolas Iljine, professor Yu.I. Rubinsky, professor Yu.A. Borko for recommendations and comments made in the course of the article's preparation.

European Culture – Centripetal and Centrifugal Forces

© AL. GROMYKO

Alexey A. Gromyko, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), alexey@gromyko.ru. ORCID 0000-0003-4228-1552

Abstract. The author explores the main features of the transformation of European culture in the modern world. In the centre of attention is the period from the 1980s. The study is based on the humanistic principles of European culture. Its analysis in the era of the Cold War and afterwards is undertaken as well as the analysis of its new meanings, including the notion of “new Middle Ages” and the topic of fear. The article also explores the role of the Age of Enlightenment in the history of European culture and its later development in the context of liberalism, consumerism and individualism. Contemporary European culture is characterised as an overlap of premodern, modern and postmodern. The problem of westernisation and standardisation of culture is dwelt upon together with the shift to different currents of post-materialism and neo-avant-garde art.

Keywords: European culture, humanism, risk society, pop art, modern, postmodern, post-materialism, avant-garde

Citation: Gromyko Al. (2022) European Culture – Centripetal and Centrifugal Forces. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 7–20. DOI: 10.31857/S0869049922030017, EDN: EWIMOU

Судьбы Европы и европейская культура – тема чрезвычайно широкая и одновременно конкретная. Она такая же историософская, как и узко специализированная в зависимости от того, что становится объектом исследования – политика или экономика, идентичность или ценности, изящные искусства или культура повседневности, духовная сфера или материальная, литература или кинематограф, музеи или театр, культура памяти или культура диалога. О различных аспектах современной европейской культуры написано бесконечно много, но комплексно об этом феномене – достаточно мало, например [Европейская... 2013; Рубинский 2002; Рубинский 2013].

В данной статье на знаковых примерах прослеживается ряд ведущих тенденций в трансформации европейской культуры от эпохи холодной войны и индустриального общества к постбиполярной эпохе и миру постмодерна. Особое внимание уделяется историческому периоду, начиная с 1980-х гг. В эпистемологическом смысле и с точки зрения теоретических подходов к изучению многогранного феномена европейской культуры автор проводит анализ с учетом идей, предложенных в работах П.Я. Чаадаева, Ф.А. Степуна, Н.А. Бердяева, Д.С. Лихачева, О. Шпенглера, А. Тойнби, З. Фрейда, Х. Ортега-и-Гассета, У. Эко, Э. Гуссерля, Ф. Фукуямы, С. Хантингтона, Дж. Грея и др. Большой вклад в изучение данного феномена внесли ученые Института Европы РАН – Н.П. Шмелев, Ю.И. Рубинский, Е.В. Водопьянова и др.

* * *

За последние десятилетия Старый Свет претерпел огромные изменения. После развала Советского Союза в 1991 г. на политической карте Евразии, помимо России, появились 14 новых независимых государств, шесть из которых – в пределах географической Европы (Эстония, Латвия, Литва, Беларусь, Молдова и Украина). В то же время к западу от рос-

сийских границ набирали обороты процессы интеграции. За последние 40 лет количество стран, входящих в Евросоюз (до 1992 г. – Европейское экономическое сообщество), возросло с 9 до 28. Тем не менее, его не обошли центробежные силы, и в 2020 г. ЕС покинула Британия.

Рассуждения о Европе неизбежно сопровождаются давними спорами о границах Старого света, будь то географические, цивилизационные, политические или ценностные. В данном случае под понятием «Большая Европа» понимается крайне неоднородное цивилизационное пространство, расположенное между трех океанов – Атлантическим, Северным Ледовитым и Тихим [Европа... 2019].

Взрослый европеец 30-40 лет назад и сейчас – это люди, живущие в разных реальностях. Все же в учебниках истории за указанное время изменилось не столь много, особенно если брать историю Европы до второй половины XX в. Школьные учебники в странах на пространстве от «Лиссабона до Владивостока» по своей сути – продукты одной рамочной культурной матрицы, пусть, возможно, самой многоликой и противоречивой в мире. Культура – одна из граней «длинной истории», истории структур, которые меняются крайне медленно. Человеческое поведение и восприятие мира никогда не поспевали за темпом технологического развития. Тем более это относится к идентичности каждого народа и отдельно взятого человека, включая культурную среду, в которую мы помещены с детства и пронизаны ею. Эта среда сильно дифференцирована на культуру «высокую» и «низкую», элитарную и народную, утонченную и потребительскую, локальную и глобальную.

Европейская культура в эпоху холодной войны

Ко всей Большой Европе относятся слова Э. Гуссерля, сказанные в 1935 г.: «как бы ни были враждебно настроены друг к другу европейские нации, у них все равно есть внутреннее родство духа, пропитывающее их всех и преодолевающее национальные различия» [Гуссерль 1995, 302]. Европейцы, наследники греко-римской и христианской цивилизаций и до, и после 1945 г. воспитывались на классических примерах и произведениях Возрождения и Просвещения, литературы, поэзии, живописи и архитектуры Нового времени, «золотого» для России XIX столетия и «серебряного века». Возможно, XIX в. стал пиком европейской культуры, по крайней мере, в ее «высокой» составляющей. Затем европейский гуманизм был почти растоптан двумя мировыми войнами. Биполярный мир во многом политизировал европейскую культуру, но не полностью. Почти 70 лет спустя после Гуссерля российский европеист Ю.И. Рубинский констатировал: «Какими бы глубокими ни были различия между европейцами, их роднит общность судьбы, совместимость, более того, взаимодополняемость их богатейшего культурного наследия» [Рубинский 2002, 60].

Индустриальное общество стало новой «заливочной формой» культуры. С феноменом «восстания масс» и ускоренной урбанизацией в первой трети XX в. происходило омассовление культуры, ее демократизация, эмансипация, секуляризация, масштабное проникновение «высокой» культуры в народные массы. Во второй половине столетия одной из ведущих форм такого омассовления стала вестернизация, все больше соскальзывающая в американизацию, стандартизацию, которые породили разновидность массовой культуры – поп-культуру. Произошел своего рода бриколаж², «отскок», выразившийся в «мести» культуры, когда народная культура в своем вульгарном воплощении подмяла под себя культуру «высокую». В результате круг замкнулся – «высокая» культура вновь, как когда-то до «восстания масс», стала уделом творческого меньшинства, причем меньшинства,

² От фр. *bricolage* – бильярдный термин, означает послать шар к борту, чтобы, оттолкнувшись от него, он попал в лузу.

которое стоит в основном на национальной, а не на космополитической почве. В этом прослеживаются параллели между социальной эмансипацией начала XX в. и различными революциями и социальными катаклизмами в 1980–2000-е гг.

Культура отражает ход истории, как во многом и придает ей форму. Европа 1980-х гг. еще представляла собой послевоенный феномен, часть мира, не только разделенного биполярной эпохой, но и сформированной великой Победой 1945 г. Однако экономически и технологически Европа уже была глубоко вовлечена в процесс перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, от модерна к постмодерну, в том числе в области культуры. Именно в 1980 г. вышла книга классика футурологии Э. Тоффлера «Третья волна» о постиндустриальном мире [Toffler 1980; Тоффлер 1999]³. И все же настоящим водоразделом стал рубеж 1980–1990-х гг., когда мир после окончания холодной войны и ухода в историю Советского Союза стал превращаться в глобальный с точки зрения торговли, рыночных отношений, финансов, политики и, конечно, культуры.

До 2010-х гг. Европа жила в этом глобальном мире – апогее неолиберальной модели глобализации, которая к настоящему времени во многом канула в Лету. История последних десятилетий испещрена крутыми поворотами. Западная часть мира в целом рассталась с иллюзиями однополярности. Шло становление полицентризма, включая его культурную составляющую, например, такое явление, как индийский Болливуд. Глобальный мир испытал потрясение в начале XXI столетия, когда международному сообществу бросил вызов международный терроризм, который крушил памятники древней и современной культуры. Позже большая часть планеты впала в «великую рецессию», а пандемия, начавшаяся в 2020 г., привела мир в состояние новой пугающей неопределенности.

Что характерно для истории, даты и хронологические рамки относительны. Постиндустриальный мир формировался в 1970-е гг. Об этом писал Д. Белл [Bell 1973; Белл 1999], но еще десятилетием ранее по Европе прокатилась «культурная революция» (или революция контркультуры), в чем-то предвосхитив грядущие изменения. Она была отпрыском массового сознания позднего индустриального общества не в меньшей степени, чем предтечей сверхлиберального индивидуализма, захлестнувшего мир в последующем. Культура, будучи по своей сути производной коллективного и традиционного, все больше использовалась в угоду индивидуальному и частному.

При всем расколе мира в биполярную эпоху, общие гуманистические рамки европейской культуры сохранялись. Так, об этом свидетельствует киноискусство, столь чувствительное к политике: советские фильмы четыре раза удостоивались американской премии Оскар в разных категориях; в последний раз – в 1981 г., на пике нового витка холодной войны («Москва слезам не верит» Владимира Меньшова в номинации «лучший фильм на иностранном языке»). Со времен громкого успеха гастролей Большого театра в Лондоне в 1956 г. театральные визиты по обе стороны «железного занавеса» стали достаточно обычным явлением в последующие десятилетия.

В программе советской средней школы, не говоря уже о факультетах искусствоведения, изучали произведения Шекспира и Гете, других классиков европейской литературы и поэзии. В СССР на русский язык большими тиражами переводили произведения А. Франса и Г. де Мопассана, Ч. Диккенса и Дж. Свифта, М. Сервантеса и В. Скотта, Э. Золя и В. Гюго, Дж. Байрона и А. Дюма, О. де Бальзака и М. Пруста, А. де Сент-Экзюпери и Э.М. Ремарка – перечислять можно долго. В театрах шли пьесы европейских драматургов. По воспоминаниям представителей советской интеллигенции, они

³ При ссылке на знаковое произведение с точки зрения логики изложения статьи автор приводит выходные данные на первое оригинальное издание, а затем на издание на русском языке (при наличии).

воспринимали себя как представителей европейской культуры, и это было обычным явлением. В целом, взаимодействие европейской и российской культур было двусторонним процессом, особенно со времен Петра I. Европейский классицизм сыграл огромную роль в классицизме русском⁴.

В отличие от классического искусства, иное судьба уготовила русскому авангарду, в первую очередь абстракционизму. В историю вошел разгром Н. Хрущевым художников-авангардистов в московском выставочном комплексе «Манеж» в 1962 г., как и закрытие в Москве выставки художников-нонконформистов в 1974 г. («бульдозерная выставка»). По-настоящему за рубежом открыли русский авангард благодаря «Русским сезонам» С. Дягилева в Париже в начале XX в., а затем в 1979 г., когда во Франции, в Центре Помпиду прошла масштабная выставка «Париж – Москва». Знаковая серия выставок искусства русского авангарда под названием «Великая утопия» состоялась уже в начале постсоветского времени, в 1992 г., во Франкфурте и Амстердаме, а также в США.

Другой пример состояния культурного пространства – музыка, и не обязательно классическая. В 1978 г. в СССР с разрешения советского министерства культуры приезжала группа «Bonny M.», а в следующем году в Ленинграде и Москве концерты давал Элтон Джон. Еще больший общественный резонанс вызвали выступления в Советском Союзе рок-группы «Scorpions» в 1988 г. Вскоре после этого они выпускают свой новый альбом, включавший знаковую песню «Ветер перемен». В постперестроечной России гастролы современных западных музыкантов станут постоянными, включая концерт П. Маккартни на Красной площади в 2003 г.

Окончание холодной войны на рубеже 1980–1990-х гг. несколько сгладило противоречия внутри Старого света, в том числе вследствие деидеологизации культуры. Одним из символов этого стало возвращение писателя А. Солженицына в 1994 г. в новую Россию 20 лет спустя после высылки писателя из СССР. Уместно напомнить, что Нобелевский лауреат по литературе 1970 г., Солженицын до переезда в США несколько лет жил в Цюрихе и путешествовал по Западной Европе. Поначалу на Западе писателя превозносили за антикоммунистические взгляды, но затем мнение о нем изменилось. В фигуре Солженицына переплелись давние на Руси споры западников, славянофилов и почвенников. На Западе он нашел приют, резко осуждал советский строй, но одновременно критиковал американскую действительность, стал восприниматься как сторонник «религиозно-патриархального романтизма». Позже Солженицын рассуждал об обновленном союзе трех славянских республик – России, Белоруссии, Украины – и Казахстана⁵. Другой знаковой фигурой из тех, кого выслали за антисоветские взгляды из СССР, был философ А. Зиновьев. С 1978 г. по 1999 г. он проживал в Мюнхене. Во многом, вслед за Солженицыным, траектория его взглядов развивалась от западничества к славянофильству.

После демонтажа «железного занавеса» новых культурных разломов, уже иного уровня, со временем избежать не удалось. Европа, подтверждая диагноз своей вечной внутренней противоречивости, стала местом новых разделительных линий, а западные европейцы занялись новой социальной и культурной инженерией. В лице ЕЭС, а затем Европейского союза создавался нарратив новой Европы, границы которой приравнялись к границам интеграционного проекта с центром в Брюсселе. Цивилизационные границы Старого

⁴ Из бесед автора с Ю.А. Борко, выдающимся советским и российским европейцем, профессором, главным научным сотрудником Института Европы РАН.

⁵ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? Комсомольская правда. 18.09.1990. № 213–214 (19913–19914). С. 1. (http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_izgnanii/kak_nam_obustroit_rossiyu.pdf?ysclid=I37jbz6mj7).

света исторически были подвижными – они то сужались, то расширялись, но в целом с течением времени они вбирали в себя все новые и новые земли. Однако никогда – до 1990-х гг. – не предпринималась попытка вместо цивилизационного, исторического, политического, социального и культурного пространства бывших европейских метрополий обозначать границы Европы внешним контуром постмодернистского регионального интеграционного объединения, другими словами – вначале умозрительно резко сузить европейское пространство до территории ЕС, а затем расширять «Европу» на основе сконструированных и формально узаконенных в ЕС правил. В России же возобновился давний историософский спор, в котором Россия и Запад противопоставлялись.

Справедливо, что культурой пронизано человечество на всем протяжении его существования, как и то, что у каждого века, каждой эпохи – своя культура. В этом преемственность не вступала в противоречие с разнообразием и обновлением. Как бы ни трактовать европейскую культуру Нового и Новейшего времени, как бы ни раскладывать ее по национальным полкам и эпохам, было принято считать, что у нее общий знаменатель – ценность христианства и гуманизм. Конечно, европейская культура не раз сталкивалась со своими антиподами, в том числе с нацизмом и фашизмом, которые почти ее уничтожили. Претендуя на свою этику и эстетику, они не были проявлением «иной культуры»; то была антикультура, направленная против человечности.

Различные формы омащивления культуры в индустриальную и постиндустриальную эпохи далеко не всегда вели к ее деградации. Например, тиражирование «Голубя мира» П. Пикассо не лишало это произведение гуманистического заряда. Одновременно всегда существовала опасность выхолащивания ценности того или иного образа в результате его многократного и неуместного воспроизведения. Так, бесчисленное количество футболок с изображением Моны Лизы или Э. Че Гевары, проданных по всему миру, скорее привели к вульгаризации этих образов, чем к популяризации символов красоты и пассионарности. После крушения СССР шла своеобразная мутация советской символики, в рамках соц-арта происходило ее взаимопроникновение с западным поп-артом. Ленин соседствовал с надписью Coca-Cola, Сталин – с Мэрилин Монро; портреты Ленина и Сталина помещали на фоне бренда сигарет Marlboro; Горбачева изображали в стиле «Диптиха Мэрилин» Уорхола, а скульптурную композицию «Рабочий и колхозница» увенчивали головой Микки Мауса.

Поиск новых смыслов

Современная эпоха всеобщей и всепроникающей информации, стандартизации и унификации поставила под вопрос возможности массового воспитания культурного человека по-европейски. Условия для этого были тяжелыми: за своеобразием 1980-х гг. в истории Старого света последовал период иллюзий, а затем разочарований – в том числе эпического масштаба, таких как Великая рецессия или пандемия. Многие несущие конструкции современной европейской культуры стали осмысливать именно в 1980-е гг. Неслучайно француз Ж. Бодрийяр опубликовал свою знаменитую работу «Симулякры и симуляции» [Baudrillard 1981; Бодрийяр 2015] в 1981 г. Один из ее тезисов стал эталонным – «в мире все больше информации и все меньше смысла».

В течение последних десятилетий в западной части Старого света предпринимали попытки придать европейской культуре новые смыслы. Одним из них стало представление о «новом средневековье», которое развивал и популяризовал У. Эко, в том числе в работе «Средние века уже начались» (1993) [Эко 1994]. В ней он полемизировал с более ранней антиутопией Р. Вакка «Ближайшее средневековое будущее» [Vacca 1971], в ко-

тором автор предсказывал отступление современной технологической эры в мрачное прошлое⁶. Сам Эко был более оптимистичен и рассматривал современность как «непрерывный переходный период», когда, как и в средневековье, задача заключалась не в консервации прошлого, а в том, чтобы поставить конфликт между старым и новым под контроль и создать механизм адаптации. Эти рассуждения Эко созвучны с работами других мыслителей, посвященными различным аспектам риска. Так, в 1986 г. вышла хрестоматийная книга У. Бека «Общество риска. На пути к другому модерну» [Beck 1986; Бек 1986]. Феномен риска изучал в своих работах о позднем модерне Э. Гидденс [Giddens 2000].

Последние десятилетия роднят ощущения европейца со средневековыми темами страха, даже с ожиданиями конца света, по крайней мере, окончания того мира, к которому привыкли. Такие чувства причудливым образом переплетались с периодами эйфории. Однако новый духовный подъем всегда заканчивался возвращением пессимистических настроений. В 1980-е гг. Европа боялась третьей мировой войны между СССР и США из-за размещения на ее территории и по обе стороны «железного занавеса» ядерных ракет. В 1986 г. разразилась техногенная катастрофа Чернобыля. Эйфория окончания холодной войны сменилась холодным душем конфликтов на постсоветском пространстве, югославскими войнами и борьбой за сохранение территориальной целостности самой России. Перестроечные иллюзии были омрачены драмами и трагедиями миллионов людей, которые оказывались не «по ту сторону» границы после распада СССР.

На рубеже тысячелетий ожидания счастливого «конца истории» сменились мрачными прогнозами «столкновения цивилизаций». Приближение в летоисчислении магической цифры «2000» одни связывали со Страшным судом, другие – с «компьютерным Апокалипсисом». Не успел новый миллениум начаться, как с российского на новый уровень поднялась проблема международного терроризма после «9/11». На уничтожение европейской культуры и ее физическое истребление был направлен проект так называемого всемирного халифата ИГИЛ⁷. В 2008–2009 гг. Европу сотрясла Великая рецессия, а в 2020 г. – пандемия COVID-19.

Иные интеллектуалы в оценке современного состояния Европы отталкивались не от Средних веков, а от другого периода в ее истории – эпохи Просвещения, которая положила начало политической философии и идеологии либерализма, культуры, а затем культ личности и свободы индивида. О проблемах, которые накапливались в этой сфере, говорили разделенные столетием Дж. С. Милль и И. Берлин. Продвигая либеральные идеи каждый по-своему, они признавали необходимость коллективности в культуре, принадлежности к одному сообществу. Проблема последних десятилетий в жизни Старого света во многом связана с выхолащиванием принципов классического либерализма, с опошлением и доведением до абсурда представлений о свободе, с превращением либерализма в секулярную религию, с исчерпанностью универсальности проекта Просвещения. Дж. Грей назвал такую разновидность мышления гиперлиберализмом, который произвел культурную деконструкцию, освободил личность от культурных идентичностей⁸.

⁶ О «новом средневековье» задолго до европейских интеллектуалов последних десятилетий писал, например, Николай Бердяев в работе «Новое средневековье» (1924). Бердяев сравнивал свое время с периодом поздней античности.

⁷ Организация запрещена в России.

⁸ Grey J. The Problem of Hyper-Liberalism. TLS. 30 March 2018. (<https://www.the-tls.co.uk/articles/john-gray-hyper-liberalism-liberty/>). Также см.: [Grey 1999; Grey 1993; Bellamy 1992].

Стали множиться проявления такого гиперлиберализма – например, введенное в ряде европейских стран требование удалить из общественных мест и из внешнего облачения человека символы веры. Тем самым, с точки зрения консервативной общественной мысли, да и здравого смысла, Европа лишала себя культурных корней, культурного иммунитета, становилась уязвимой перед экспансией других культур, включая фундаменталистскую часть культуры исламской. Система ценностей современного европейца все больше представляла собой деформированный, несбалансированный набор идей, среди которых доминирует не либерализм в его классическом виде, а неолиберализм в ущерб консервативным и коллективистским традициям общественной мысли и сознания [Громыко 2020].

С 1990-х гг. европейская культура и идентичность европейца подверглась испытаниям из-за небывалых миграционных процессов. После распада СССР несколько десятков миллионов бывших советских граждан оказались в новых государствах, в которых они стали национальным меньшинством. Особенно это коснулось более 20 миллионов русских. В то же время парадоксальным образом новая Россия, границы которой отодвинулись на восток, этнически превратилась в более европейское государство, чем Советский Союз, так как доля русских, в основе мировоззрения которых превалировала европейская культура, в стране резко возросла (до 80%).

В Западной и Центральной Европе беспрецедентный миграционный кризис развернулся позже. Его пик пришелся на 2015 г., когда в результате «неконтролируемой миграции» в ЕС прибыло несколько миллионов выходцев из Ближнего Востока и Африки. В центре этих событий находилась Германия. Споры, основанные на разном представлении о государственном суверенитете и о соотношении между интересами «коренных жителей» и «пришлых», стали яблоком раздора в отношениях между странами-членами Евросоюза. Средиземное море, бассейн которого был колыбелью нескольких древних цивилизаций, включая греко-римскую, становилось могилой для десятков тысяч беженцев, мечтавших обрести в Европе землю обетованную. С тех пор масштабные миграционные проблемы не прекращались, неизбежно обостряя вопрос о европейском самосознании, культуре и идентичности.

Критика идей Просвещения, побочным продуктом которых в XX в. стали сверхчеловек Ницше и общество массового потребления, звучала во многих современных литературных произведениях, например, в «Парфюмере» П. Зюскинда [Süskind 1985; Зюскинд 2016]. Герой его романа Гренуй, убивший себя, – своего рода сверхчеловек наоборот. Запах в этом романе, по сути, – инструмент массового потребления, доведенного до истерии. Книга У. Голдинга «Повелитель мух», ставшая впоследствии культовой, появилась в 1954 г., но Нобелевскую премию за свое творчество писатель получил в переломные восьмидесятые [Golding 1954; Голдинг 1983]. Много лет спустя, в 2009 г., в рейтинге газеты The Times эта работа войдет в список лучших 60 книг предшествующих 60 лет⁹. Ее смысл заключается не в восхвалении Человека – это книга не о Прометее или Икаре, а о человекопадении.

Другим направлением в осмыслении современной культуры и идентичности Европы стала категория империи. Появилась литература, посвященная Европейскому союзу как империи, включая элементы культуры, идентичности, например [Zielonka 2006; Тэвдой-Булмули 2019]. И здесь уместно упомянуть о феномене «усталости от расширения» в Евросоюзе (enlargement fatigue). Он обозначил пределы ЕС как империи облагоустроенной, «неосредневековой».

⁹ The Best 60 Books of the Past 60 Years. The Sunday Times. 3 August 2009.

«Хлеба и зрелищ!»

Современная европейская культура предстает переплетением и напластованиями старого и нового – премодерна, модерна и постмодерна. Из толщи истории в Европу Новейшего времени перенесена установка «Хлеба и зрелищ!», которая приняла гипертрофированный массово-потребительский характер. Одним из ее олицетворений стали моллы – огромные торгово-развлекательные центры, которые довели культурную индустрию до абсолюта, до слияния массовой культуры с индустрией развлечений, включая кино – в основном американское. Доля голливудских фильмов на экранах Западной Европы увеличилась в 1975–1995 гг. с 41 до 75% (по продаже билетов). То была улица с односторонним движением – даже доля Британии в экспорте аудиомызыкальной продукции в США в 1986–2001 гг. сократилась с 30 до 1% [Европейская... 2013, 262]. Европейская киноиндустрия оказалась зажата между голливудской моделью и «арт-хаусом».

О подводных камнях омассовления и стандартизации культуры еще в далекие 1920-е гг. рассуждали мыслители Франкфуртской школы (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе и др.). Великая народная культура, сотни лет назад породившая в Европе смеховую, потешную, карнавальную культуру, в эпоху постмодерна и «цифры» почти выродилась. После распада социалистического лагеря культиндустрия захлестнула постсоветское пространство. Повсеместно в Европе театр уступал натиску кино и других видов визуального развлечения. Космополитизм вел к омассовлению и в архитектуре. Здания Н. Фостера превратились в символ престижа, но не имели отношения к национальной самобытности.

В последние десятилетия религиозная составляющая культуры и самосознания в Европе все дальше уходила на вторые и третьи роли, за исключением России и ряда других стран. Однако свойственная религиозному мышлению вера в потустороннюю реальность в чем-то замещалась иными явлениями, например, виртуальной реальностью компьютерных игр, а ощущение причастности верующего человека к одной пастве – ощущением взаимосвязи пользователей социальных сетей, где можно, как на исповеди, излить душу, не видя и даже не зная собеседника. Христианский гуманизм с угасанием религиозности европейского общества уступал место гуманизму «общечеловеческому», происходила унификация ценностей в духе «конца истории», который в чем-то сродни свойственным религиозному мышлению ожиданиям конца света. Как раньше люди массово ходили в церковь, так затем они же массово сели перед телевизионным поп-артом – еще одним мощным орудием моральной и эстетической деградации.

На эту проблему давно указывали те, кто играл роль хранителей «высокой» европейской культуры. Среди них К. Поппер, который в 1994 г. дал развернутое интервью журналу «Reset». В нем речь идет о губительном воздействии «голубого экрана» на детей и подростков [Popper 2007]. Одним из воплощений негативной стороны американизации европейской культуры стал телеканал MTV (молодежная музыка и реалити-шоу), созданный в 1981 г. В других странах появились его многочисленные отпрыски, например, «MTV-Россия», открытый в 1998 г. Их отличало засилье низкопробной продукции, о чем и предупреждал Поппер.

В позднеперестроечном СССР и постсоветской России телеэкран и концертные залы захлестнула волна оккультизма, мистики, магии. Миллионы образованных людей попадали под влияние «целителей» и «экстрасенсов», таких как А. Кашпировский и А. Чумак. Стала процветать лженаука. Получалась наглядная иллюстрация теории развития культуры Дж. Фрезера, автора знаменитого труда «Золотая ветвь», который выстраивал свое исследование по формуле «магия – религия – наука» [Frazer 1894; Фрэзер 2001]. Пост-

модернистская волна омащования культуры в виде поп-культуры стала релапсом, откатом культуры в своем развитии. Происходило движение вспять от науки к религии и затем к магии. Необходимо отметить, что в моменты общественных кризисов иррациональные системы ценностей, в том числе религиозные, не раз играли роль социальной «подушки безопасности». Однако если общество «застревает» в этом откате, появляется опасность впасть в архаику. Поэтому вполне объяснимо, что в современной европейской культуре столько внимания уделяют понятиям архаизации, варваризации, включая и вулгаризацию русского языка, и «политическое варварство» (международный терроризм), и «экологическое варварство», и др.

К этим и схожим мотивам обращались классики постмодернистской европейской культуры. Смысл романа Дж. Барнса «История мира в 10 1/2 главах» [Barnes 1989, Барнс 2005] заключался в истории о путешествии человека в рай, который оказывается потребительским и невыносимым местом. Английский писатель оказался прозорливее Ф. Фукуямы, который в том же году опубликовал эссе «Конец истории?», положившее начало известному дискурсу [Fukuyama, 1989; Фукуяма, 1990]. В 1988 г., за пять лет до появления статьи С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?» [Huntington 1993; Хантингтон 1994], вышли «Сатанинские стихи» С. Рушди – произведение, построенное на изображении конфликта культур и цивилизаций [Salman 1988].

1989 г. в истории Европы навсегда связан с падением Берлинской стены как символа раскола мира в биполярную эпоху. Это и сопутствующие события вызвали всплеск размышлений о том, что будет «после». Например, в Германии возник феномен «после-послевоенной литературы», одним из олицетворений которого стал роман Г. Грасса «Широкое поле» (в России роман больше известен под названием «Долгий разговор», предложенным переводчиком Б.Н. Хлебниковым) [Grass 1995]. Окончание холодной войны привело к столкновению в европейской культуре пассионарности и идеализма с обыденностью, прозаичной реальностью, несовершенством человеческой природы. Сменяющие друг друга в последние десятилетия циклы ожиданий и разочарований очевидны. Примеры – поздний СССР и новая Россия 1990-х гг.; Германия после объединения и все еще расколотое немецкое общество тридцать лет спустя; перестроечные иллюзии в духе «Европа – наш общий дом» и возобновление противостояния России и Запада; идеализм «арабской весны» и сменившие его трагедии целых народов Северной Африки и Ближнего Востока; предвкушение «европейской мечты» о лидирующей роли Евросоюза в XXI в. и последовавшая череда опасных кризисов.

Одновременно продолжалось совершенствование технологий, а технический прогресс оставлял все меньше времени на осознание действительности. В результате вновь обрела популярность тема противостояния человека и машины. В кинематографе она ярко воплотилась в блокбастерах о беспощадных роботах-терминаторах. COVID-19 принес с собой и новую разновидность луддизма – «восстания людей против машин»: в 2020 г. в Европе из-за страха от пандемии современные луддиты разрушали вышки мобильных сетей 5G. В этом же прослеживается и происходящий в европейском массовом сознании сдвиг от культуры потребления к постматериализму, о чем свидетельствует идеология европейских экологов и «зеленых».

Важнейшая тема – культура памяти. Почти неизбежно, что с ходом времени новые поколения все больше относятся к событиям удаляющегося прошлого как к чему-то абстрактному. Забвение войн, с одной стороны, служило примирению некогда враждовавших государств, как произошло с Францией и Германией, с другой, – лишало людей «иммунитета» против возрождения милитаристских настроений. Такая милитаризация хорошо прослеживается в истории ЕС последних лет и десятилетий. Россия, пожалуй,

на сегодня – единственная страна в Европе, в которой на системной основе продолжается работа по сохранению памяти о Второй мировой войне (Великой Отечественной войне) как о «живой истории».

Нельзя говорить о том, что в современном европейском искусстве не уделяют внимание антивоенной тематике. Однако часто это – эпатаж, гротеск, сознательная провокация, направленные на эмоциональную встряску, цель которой – не столько напоминание о хрупкости мира, сколько привлечение внимания к новомодным представителям искусства. Один из примеров – выставка «Джейк и Динос Чемпены. Конец веселья» в Петербурге, которая прошла в 2012 г. в Эрмитаже. Композиция инсталляций из множества фигурок – своеобразный бестиарий, в котором нацисты убивают друг друга, по задумке авторов изображала ад на земле. В основе творчества Чепменов – аллюзии, отсылающие к сериям гравюр Ф. Гойи «Капричос» и «Бедствия войны», а также к творчеству И. Босха. Вместе с тем скандальная подача такого рода выставок ведет, как правило, к гипертрофии формы за счет содержания и смысла.

* * *

Европа и европейская культура за последние десятилетия глубоко погрузились в реальность постмодернизма, возникли его новые ответвления – постпостмодернизм, транс- и постгуманизм. Гуманистические основания европейской цивилизации Нового и Новейшего времени, уходящие корнями в античность и христианство, сегодня соседствуют с современной массовой культурой и «цифровым» обществом со всеми их светлыми и темными сторонами. Культурная стрессоустойчивость европейских народов во многом зависит от национальных литературных, театральных, кинематографических школ. Бастионом высокого искусства остаются ведущие национальные музеи, чем может гордиться и Россия. В нашей стране в последние годы наблюдался быстрый рост посещаемости музеев и театров. Так, в 2018 г. было зарегистрировано 140 млн посетителей художественных выставок, а аудитория театров составила 40 млн зрителей¹⁰.

В культурном пространстве продолжался активный творческий поиск, нередко далеко не однозначный. В России произошел бум частных театров: только в Москве и Санкт-Петербурге к концу 2010-х гг. их насчитывалось порядка шестидесяти. То же самое относится к частным музеям современного искусства, среди которых одним из наиболее известных стал музей «Гараж» в московском Парке Горького. Фонд современного искусства V-A-C создал многоформатное пространство современного искусства (арт-центр) в здании бывшей ГЭС-2 напротив Кремля. С 2005 г. проходила Московская биеннале современного искусства, в рамках которой большое внимание уделялось соц-арту как наиболее известному за рубежом постмодернистскому направлению советского искусства 1970–1980-х гг. Россию не обошла стороной и «Манифеста» – общеевропейская биеннале, впервые состоявшаяся в 1996 г. в Роттердаме. В 2014 г. Санкт-Петербург стал первым российским городом, принявшим «Манифеста 10».

Постоянно поднималась тема общности культурного пространства, в основе которого – европейский гуманизм. Уникальным проектом стала выставка «Лицом к будущему. Искусство Европы 1945–1968», которая прошла в 2017 г. в московском Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Иностранцами партнерами проекта

¹⁰ Посещаемость российских театров в 2018 году побила советские рекорды. Интерфакс. 16 января 2019 г. (<https://www.interfax-russia.ru/kaleidoscope/poseshchaemost-rossiyskih-teatrov-v-2018-godu-pobila-sovetskie-rekordy>).

выступили Центр изящных искусств BOZAR (Брюссель) и Центр искусств и медиа ZKM (Карлсруэ). В центре проекта находилось послевоенное искусство и культура 18 стран Западной и Восточной Европы (неоавангардное искусство), посвященное темам антивоенной и молодежного бунта, ужасам насилия, новым поискам в сфере реализма и идеализма. Пандемия в 2020–2021 гг. сильно ударила по выставочным и музейным проектам. Масштабная выставка «Многообразие. Единство. Современное искусство Европы. Москва. Берлин. Париж» после длительной вынужденной паузы все же открылась в Третьяковской галерее в ноябре 2021 г.

Будет ли и дальше европейское культурное пространство испытывать фрагментацию, политизацию и в значительной степени деградацию, – вопрос открытый. Сможет ли классическая культура и дальше служить его «цементирующим раствором»? Возможно ли гармоничное сочетание национальных традиций с «цифровым» миром, полным конфликтов? Кажется, что колоссальное культурное наследие Европы еще имеет запас прочности, чтобы противостоять безвкусию, примитивизации, клиповому мышлению, деконструкции высокой и народной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барнс Дж. (2005) История мира в 10 1/2 главах. М.: АСТ. 352 с.
- Белл Д. (1999) Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia. 790 с.
- Бек У. (2000) Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция. 384 с.
- Бодрийяр Ж. (2015) Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ». 240 с.
- Громыко Ал.А. (2020) Метаморфозы политического неолиберализма // Современная Европа. № 2. С. 6–19.
- Голдинг У. (1969) Повелитель мух // «Вокруг света». № 7–11.
- Гуссерль Э. (1995) Кризис европейского человечества и философия // В: Культурология. XX век: антология. М.: Юрист. С. 302.
- Европа между трех океанов (2019) Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федорова. М., СПб.: Нестор-История. (<http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/monografii/2019/eur3o.pdf>).
- Европейская культура: XXI век (2013) Под ред. Е.В. Водопьяновой. М., СПб.: Институт Европы РАН, Нестор-История. (<http://instituteofeurope.ru/images/monografii/Evrop-cultura.pdf>).
- Зюскинд П. (2016) Парфюмер. История одного убийства. М.: Азбука.
- Рубинский Ю.И. (2013) Ценностные ориентиры Европы. Доклады Института Европы РАН № 297. М.: Институт Европы РАН. 56 с.
- Рубинский Ю.И. (2002) Две Европы или одна? // В: Европа: вчера, сегодня, завтра. Отв. ред. Н.П. Шмелев. Институт Европы РАН. М.: Издательство «Экономика». С. 37–60.
- Тоффлер Э. (1999) Третья волна. М.: АСТ.
- Тэвдой-Булмули А.И. (2019) Европейский Союз как имперский конструкт. К вопросу о применимости понятия // Международные процессы. № 2. С. 91–100.
- Фрэйзер Дж. (2001) Золотая ветвь: Исследование магии и религии. В 2 т. М.: ТЕРРА-Книжный клуб. 528 с.
- Фукуяма Ф. (1990) Конец истории? // Вопросы философии. № 3. С. 84–118.
- Хантингтон С. (1994) Столкновение цивилизаций? // Полис. Политические исследования. № 1. С. 33–48.
- Эко У. (1994) Средние века уже начались // Иностранная литература. № 4. С. 258–267.
- Bellamy R. (1992) *Liberalism and Modern Society*. Cambridge: Polity Press.

- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Grass G.W. (1995) *Ein weites Feld*. Göttingen: Steidl Verlag.
- Grey J. (1999) *False Dawn. The Delusions of Global Capitalism*. London: Granta Books. 272 p.
- Grey J. (1993) *Beyond the New Right. Markets, Government and the Common Environment*. London, New York: Routledge. 212 p.
- Popper K. (2007) *The Power of Television* // In: Popper K. *After the Open Society: Selected Social and Political Writings*. Oxford: Routledge. Pp. 413–424.
- Salman R. (1988) *The Satanic Verses*. London: Penguin Books. 546 p.
- Vacca R. (1971) *Il medioevo prossimo venturo*. Milano: Mondadori Saggi.
- Zielonka J. (2006) *Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union*. Oxford: Oxford University Press.

REFERENCES

- Barnes J. (1989) *A History of the World in 10½ Chapters*. Knopf Canada. 307 p.
- Baudrillard J. (1981) *Simulacres et simulation*. Paris: Galilée.
- Beck U. (1986) *Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
- Bell D. (1973) *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York: Basic Books.
- Bellamy R. (1992) *Liberalism and Modern Society*. Cambridge: Polity Press.
- Eko U. (1994) Srednie veka uzhe nachalis' [The Middle Age Have Already Begun]. *Inostrannaya literatura*. no. 4, pp. 258–267.
- Evropa mezhdu trekh okeanov* [Europe between Three Oceans] (2019) Ed(s): Al.A. Gromyko, V.P. Fedorova. Moscow, Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya. (<http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/monografii/2019/eur3o.pdf>).
- Evropejskaya kul'tura: XXI vek* [European Culture: 21st Century] (2013) Ed(s): E.V. Vodop'yanova. Moscow, Saint-Petersburg: Institut Evropy RAN, Nestor-Istoriya. (<http://instituteofeurope.ru/images/monografii/Evrop-cultura.pdf>).
- Frazer J. (1894) *The Golden Bough. A Study in Comparative Religion*. New York, London: Macmillan and Co.
- Fukuyama F. (1989) The End of History and the Last Man. *National Interest*. no. 16, pp. 3–18.
- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press.
- Golding W. (1954) *The Lord of the Flies*. London: Faber and Faber.
- Grass G.W. (1995) *Ein weites Feld*. Göttingen: Steidl Verlag.
- Grey J. (1999) *False Dawn. The Delusions of Global Capitalism*. London: Granta Books. 272 p.
- Grey J. (1993) *Beyond the New Right. Markets, Government and the Common Environment*. London, New York: Routledge. 212 p.
- Gromyko Al. (2020) Metamorfozy politicheskogo neoliberalizma [Metamorphoses of Political Neoliberalism]. *Sovremennaya Evropa*. no. 2, pp. 6–19. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220200619>.
- Gusserl' E. (1995) Krizis evropejskogo chelovechestva i filosofiya [The Crisis of European Humanity and Philosophy]. In: *Kul'turologiya. XX vek: antologiya*. Moscow: Yurist. P. 302.

- Huntington S.P. (1993) The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*. vol. 72, no. 3, pp. 22–49.
- Popper K. (2007) The Power of Television. In: Popper K. *After the Open Society: Selected Social and Political Writings*. Oxford: Routledge. Pp. 413–424.
- Rubinskij YU.I. (2013) *Cennostnye orientiry Evropy* [Value Orientations of Europe]. Doklady Instituta Evropy RAN № 297. Moscow: Institut Evropy RAN. 56 p.
- Rubinskij YU.I. (2002) Dve Evropy ili odna? [Two Europes or One?]. In: *Evropa: vchera, segodnya, zavtra*. Ed(s): N.P. Shmelev. Institut Evropy RAN. M.: Izdatel'stvo «Ekonomika». Pp. 37–60.
- Salman R. (1988) *The Satanic Verses*. London: Penguin Books. 546 p.
- Süskind P. (1985) *Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders*. Zürich: Diogenes.
- Tevdoj-Bulmulı A.I. (2019) Evropejskij Soyuz kak imperskij konstrukt. K voprosu o primenimosti ponyatiya [The European Union as an Imperial Construct. On the Question of the Applicability of the Concept]. *Mezhdunarodnye processy*. no. 2, pp. 91–100.
- Toffler A. (1980) *The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow*. New York: William Morrow and Company.
- Vacca R. (1971) *Il medioevo prossimo venturo*. Milano: Mondadori Saggi.
- Zielonka J. (2006) *Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union*. Oxford: Oxford University Press.

Информация об авторе

Громыко Алексей Анатольевич, доктор политических наук, член-корреспондент РАН, директор Института Европы Российской академии наук. Адрес: Моховая ул., дом 11, стр. 3, Москва, 125009. E-mail: alexey@gromyko.ru

About the author

Alexey A. Gromyko, Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of the RAS, Director, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (IERAS). Address: 11-3, Mokhovaya st., Moscow, Russian Federation, 125009. E-mail: alexey@gromyko.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 11.05.2022

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 18.05.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 25.05.2022